

IV

КОНЕЦ ДЕМОКРАТИИ

Потеря власти, вакуум, подготовка к передаче власти или к конфронтации

Не поддающиеся решению проблемы; нелояльная оппозиция, готовая использовать их, чтобы бросить вызов режиму; утрата подлинной демократии среди партий, поддерживающих режим; утрата дееспособности, эффективности (в особенности перед лицом насилия) и, наконец, легитимации — все это создает общую атмосферу напряженности. Распространяется ощущение необходимости срочных мер, что выражается в повышенной политизации общества. Этот этап характеризуется широкой циркуляцией слухов, лихорадочной уличной активностью, повышением стихийной и организованной преступности, терпимостью к ней или оправданием подобных акций со стороны некоторых кругов общества и особенно — усилением давления со стороны нелояльной оппозиции. Готовность верить в заговоры и быстрое распространение слухов, подчас поощряемое ограничениями, налагаемыми на средства информации в попытках овладеть положением, — все это способствует чувству неопределенности, непредсказуемости, что может обострить экономический кризис.

В такой обстановке главные действующие лица политической сцены могут решить не предпринимать мер в отношении основных проблем, стоящих перед администрацией, а прежде всего преодолеть политический кризис. Как правило, для этого предпринимаются попытки укрепить власть администрации, иногда путем поправок к конституции, предоставления чрезвычайных полномочий, откладывания сессий законодательных органов, вмешательства в работу местных органов власти или прекращения их работы, а то и перестановок в верховном командовании армии. Если такие меры сочетаются с

укреплением сплоченности партий, поддерживающих режим; с четким принятием на себя ответственности наиболее видными лидерами; со способностью и желанием поддерживать порядок без попущений находящимся у власти партиям; с отказом от сотрудничества с нелояльной оппозицией, то процесс может привести к новому равновесию.

Альтернативой этому набору мер может быть попытка расширения базы режима путем включения в него части нелояльной оппозиции или включения ее руководства в новую коалицию. Как будет показано далее, в лучшем случае это приведет к преобразованию режима, а чаще — к переходу власти, которую нелояльная оппозиция быстро превратит в смену власти. Так произошло в Италии в 1922 г., в Германии — в 1933 г., в Чехословакии — в 1948 г.

Третья альтернатива — дать продолжаться процессу поляризации и игнорировать угрозы, исходящие от нелояльной оппозиции и полулояльных элементов, в ситуации, предшествующей гражданской войне, пока одна из нелояльных сил не предпримет попытки перехватить власть. Тогда демократическое руководство имеет лишь две возможности. Первая — уйти, передав власть вооруженным силам, иногда под прикрытием какого-то аполитичного института, вроде верховного суда, в надежде, что "умеряющая сила" не приведет к смене режима, а лишь приостановит на время нормальный демократический процесс; вторая возможность — воззвать к народу и мобилизовать организованные силы (вроде профсоюзов), включая считающиеся нелояльными и полулояльными, чтобы расширить свою опору. В крайне поляризованном обществе вторая возможность означает гражданскую войну. Исторический пример — попытка испанского буржуазного республиканского правительства меньшинства достигнуть соглашения с руководителями военного мятежа, потерпевшая неудачу. Лишь быстрая победа поможет правительству сохранить демократическую легитимацию, в противном случае оно превратится лишь в оправдание революци-

онного преобразования режима и постепенно утратит власть. В мае 1958 г. французские политики, особенно Ги Молле, хорошо сознавали такую возможность, когда они отказались от мобилизации масс для сопротивления военному путчу в Алжире, поскольку в этой мобилизации ведущую роль сыграли бы коммунисты¹. Они помнили об опыте испанского правительства, в июле 1936 г. попавшего в зависимость от милиций пролетарско-революционных партий, в особенности анархосиндикалистов и социалистов-максималистов. В обществе, где демократическое руководство утратило власть таким образом, наиболее вероятно именно такой переход власти, если армия не берет на себя роль умеряющей силы, а нелояльная оппозиция высказывает желание участвовать в решении проблем и способна создать угрозу переворота. На самом деле, это решение проблемы может оказаться наилучшим, если нейтральные державы признают его легитимность, если армия будет готова терпеть и даже приветствовать его и, по меньшей мере, некоторые партии, поддерживающие режим, верят, что смогут защитить свои интересы и сохранить определенные институциональные рамки.

Первые легальные революции прошли испытания в государствах, потерпевших поражение в первой мировой войне, открыв путь к созданию демократических республик в Германии и Австрии². Муссолини, однако, усовершенствовал этот процесс таким образом, что он помог прийти к власти нелояльной оппозиции и антидемократическому режиму. Гитлер понял после провала "пивного путча", что власти можно достигнуть только под покровом законности, и в 1933 г. он преуспел в этом не меньше, чем итальянские фашисты. Переворот 1948 г. в Праге при всех неоспоримых отличиях обнаруживает некоторое сходство с этими событиями. Положение в Париже в конце мая 1958 г. тоже имеет с ними некоторые сходства, хотя здесь необычайная личность де Голля и его приверженность демократии превратили то, что казалось угрозой демократическому режиму, в преобразование, которое можно рассматривать как об-

речение нового равновесия в демократии. Поскольку в перечисленных случаях "законный" переход власти был успешным, примеры эти вспоминаются и сегодня, когда исторические хроники затрудняют поиски сходства сопутствующих обстоятельств. Очевидно, что такая легальная революция с использованием конституционных институтов против их явных целей — то, что немцы определяют как "изменения, противоречащие конституции и внесенные в конституцию" — была проведена Суаресом в Испании (1976-1977 гг.), что сделало возможным переход от тоталитарного режима к демократии. В этом случае давление оппозиции, мобилизация ее сил на улицах и растущие издержки репрессивной политики убедили правителей заявить о переходе к демократии. Они совершили это, не приглашая лидеров оппозиции в правительство и не разрушая институциональных рамок, но никакой преемственности власти тут не было.

Такое случается, когда демократический режим, переживающий серьезное ослабление своей власти и легитимации, сталкивается с нелояльной оппозицией, обладающей значительной ударной силой вследствие возможности мобилизации масс и готовности воспользоваться угрозой силы, а также вследствие присутствия нелояльной оппозиции в парламенте. Это дает возможность облегчить формально законный в конституционном смысле захват власти с помощью других партий. Нелояльная оппозиция, захватившая власть посредством мобилизации толпы и использования военизированных отрядов, имеет наилучшие шансы для перехвата власти, если ее лидеры готовы действовать рационально и заявляют, хотя и противореча самим себе, о готовности уважать хотя бы некоторые ключевые институты прежнего режима и умерить своих сторонников-экстремистов при условии, что ей будет предоставлено участие в управлении. Оппортунистические уступки различным группам интересов и институтам имеют целью не допустить оппозицию в правительство. Можно полагать, что способность

контролировать разнородную массу последователей и отсутствие лидеров второго эшелона, которые могут нарушить компромиссные соглашения, заключенные по пути к власти, — еще одно условие успеха такой тактики. Решающим преимуществом Гитлера было, несомненно, то, что ни один из его оппонентов в партии не располагал партийными военизированными отрядами.

Однако для успеха такая тактика нуждается также в определенном отклике партий и лидеров, не связанных с нелояльной оппозицией, и части нейтральных сил в стране. Процесс формально легального или полуполигального перехвата власти начинается, когда некоторые партии и лидеры, далекие от желания свергнуть демократию, полагают, что противостоящих режиму лидеров можно включить в систему без опасности для нее, или что такие преобразования помогут укреплению администрации, объявлению партии вне закона и подавлению некоторых гражданских свобод. Такие действия совершаются в надежде, что в новой коалиции они будут старшими партнерами. Так было в случае с фон Папеном, думавшим, что он привлечет Гитлера, а не наоборот. В какой-то момент лидеры режима могут согласиться с какими-то целями нелояльной оппозиции, но не с методами; но и это может вызвать у них искушение испытать, при каких условиях они могут достичь соглашения, которое включит в систему нелояльную оппозицию или часть ее. Возможна попытка раскола нелояльной оппозиции, как это было со Шлейхером, мечтавшим использовать расхождения между Штрассером и Гитлером.

Доводы в пользу такой линии следующие: лидер может быть более склонен к компромиссам, нежели его последователи; участие в ответственности за власть умерит стоящих на крайних позициях; участие в администрации остановит неуправляемое насилие на улицах; кооптирование во власть поможет подавлению другой нелояльной оппозиции, воспринимаемой как более опасная. Такие надежды поддерживаются заявлениями лидеров нелояльной оппозиции и как бы подтверждаются внутренними разногласиями в этом

движении. Инициативу переговоров нередко берут на себя посредники, у которых есть свои причины добиваться такого решения. Переговоры часто ведутся втайне, и их прерывают, если о них становится известно. На этом этапе партии, поддерживающие режим, или их фракции и отдельные лидеры переходят на позиции, которые можно назвать полулояльными. Нередко нейтральные силы благосклонно относятся к происходящему или, заботясь о собственном выживании, по меньшей мере не отбрасывают такое решение с порога. Результат — обострение подозрительности среди политиков, что нередко ведет к дальнейшему дроблению партий, включая входящие в нелояльную оппозицию, и вызывает обвинения, что руководство готово продать движение, его радикальные цели и лидеров ради постов в кабинете. Это ускоряет ход событий и приводит их к развязке³.

Секретные переговоры, необходимость одобрения нейтральных сил, благожелательный нейтралитет вооруженных сил, желание групп интересов разрешить кризис, — все эти факторы ведут к перемещению политического процесса с парламентской арены в другую сферу, невидимую и более ограниченную. Сужение политической арены и важная роль на ней малых групп и отдельных лиц — все это характерно для конечной фазы процесса крушения демократии. Наличие этих групп объясняет, почему процесс крушения столь часто анализируется в терминах заговора. Эти группы могут играть большую роль непосредственно в передаче власти, но сами они являются продуктом всего этого процесса.

Еще одно последствие медленно, но все-таки растущего понимания результатов наступления нелояльной оппозиции состоит в том, что все более значительные и устойчивые институты общества начинают осознавать, что экстремисты, к которым ранее относились однозначно враждебно, могут прийти к власти⁴. Поэтому такие институты начинают медленно, но неуклонно отключаться от демократического режима и партий, которым они ранее доверяли свои политические интересы. Деловые

круги начинают давать деньги новым партиям; церковь снимает запреты относительно поддержки или присоединения к ним и меньше отождествляется с религиозными партиями вроде "пополари" или Партии центра; профсоюзы могут пересмотреть свои контакты с политическими партиями вроде социал-демократов; армия начнет настаивать на своей лояльности государству и его лидеру, скрывая за этими заявлениями, что ее лояльность не принадлежит какому-либо определенному правительству или режиму³. Лидеры нелояльной оппозиции, разумеется, будут поддерживать такие тенденции, искусно имитируя уважение к институтам демократии, давая обещания и гарантии и публикуя более или менее скрытые угрозы, чтобы предостеречь институты от отождествления их судьбы с существующим режимом.

Группы населения, не очень активные политически, также постепенно принимают факт кооптации нелояльной оппозиции в надежде, что созданная таким образом администрация будет более стабильной, более дееспособной и, главное, положит конец политически вдохновляемому насилию, от которого страдают и непричастные к политике люди. Парадоксально, что нелояльная оппозиция, которая была главным фактором атмосферы беспорядков, на этом этапе предстает как фактор укрепления порядка. Это ослабляет способность более активных продемократических сил мобилизовать своих сторонников для борьбы против вступления противников в правительство, ибо на этой стадии их могут обвинить в разжигании насилия и гражданской войны.

Начало процесса, который нацисты называли легальной революцией, затрудняет привлечение к защите режима членов оппозиции, лояльность которых по отношению к демократическому режиму неочевидна. Предложение мест в кабинете представителям таких партий позволяет преодолеть последнее препятствие к полной их легитимации как участников демократической политики, привести к более категоричным требованиям

с их стороны, причем эти требования поддерживаются искусно организованными выступлениями толп на улицах. Легкий сдвиг в сфере контроля над репрессивными силами государства в направлении легитимации действий партийных милиций может стать роковым для демократии.

Однако захват власти и последующая консолидация авторитарной или тоталитарной власти — не единственная угроза демократии в данном случае. Вхождение в правительство партий, которые воспринимаются большинством населения или ключевыми институтами власти (вроде армии) как нелояльные или полунелояльные по отношению к этим институтам, даже если эти партии не намерены совершать переворот, скорее всего приведет к такой реакции как революционный протест, который получает легитимацию как действие в защиту демократии, или превентивный военный путч. Так обстояло дело в Испании в 1934 г., когда включение в правительство представителей анархистской партии должно было оправдать восстание горняков Астурии, сепаратистский путч каталонских генералов и уход из государственных институтов либеральных левобуржуазных партий. Демократии удалось выжить, но ей была нанесена смертельная рана. Следует подчеркнуть, что макронсторические модели процессов, подобных захвату власти Муссолини и Гитлером, никогда не идут по тому же сценарию в основном потому, что участники нового, но сходного процесса чаще всего принимают во внимание (правильно или неправильно) то, что они считают уроками истории. Однако, как ни удивительно, некоторые структуры микросоциологических процессов повторяются. Поэтому для макросоциологии построение моделей не столь удачный прием как для микросоциологии.

Модель легального захвата власти, модель революции сверху делает переход компартии от отрицания интеграции в процесс к полному участию в демократии значительно более трудным и рискованным, чем для социалистических партий в первых десятилетиях XX века.

Моральная позиция ранних революционных движений не позволяла их членам участвовать в правительствах, если те не были демократически выбраны большинством. Социалисты принимали участие в правительстве, только если полагали, что им удастся создать такое большинство, и не намеревались использовать свое положение для подрыва системы. Они отвергли бы как аморальные такие заявления как "конституция лишь предоставляет арену для борьбы, но не определяет ее цели. Мы должны вступить в законные организации и тем сделать нашу партию решающим фактором. Поскольку у нас конституционное право это сделать, мы, несомненно, отформуем государство по той модели, которую мы считаем правильной"⁶, даже если такое "формирование" потребует изменения строя. Когда социалисты-демократы впервые вступили в демократическое правительство они, как показывает повторное прочтение работ Гарольда Ласки, не ожидали, что их оппоненты дадут им возможность легально преследовать свои цели⁷. Во многих случаях это было ошибочным, но временами оказывалось верным, что дало новую жизнь максималистской интерпретации марксистского наследия — позиции, весьма точно выраженной в следующем тексте: "Это позволяет нам сделать то, чего (в свое время) не разрешал нам делать Третий интернационал, — участвовать в правительстве совместно с республиканской партией и в то же время признавать переход к революционной диктатуре пролетариата как неотъемлемый постулат научного социализма.

Что говорит об этом буржуазная печать? Несомненно, они считают нас безобидными, плененными социал-демократическими предрассудками и настолько глупыми, что если понадобится воспрепятствовать фашистской диктатуре, мы будем лишь просить новых выборов"⁸.

Двусмысленность такой позиции имела роковые последствия для демократии во многих странах — Италии, Австрии, Испании, Чили.

Поднятый выше вопрос отнюдь не академический;

можно вспомнить о возможности участия французских и итальянских коммунистов в правительствах и об их роли в португальской революции 1975 г.

Конец демократического режима и его последствия

Гибель демократии нередко ассоциируется в анналах истории с каким-то сопутствующим событием: "марш на Рим", назначение Гитлера канцлером, начало гражданской войны в Испании, атака на крепость Ла Монеда (Куба), смерть Альенде. Однако этим роковым дням или часам предшествуют события, которые свидетельствуют, что эти факты были кульминацией длительного и сложного процесса. В ходе этих событий многие их участники, вероятно, не представляли себе роковых последствий, которые не всегда соответствовали их намерениям. Во многих случаях природа режима, рождавшегося в эти моменты, не была понятна даже сторонникам свержения существовавшего политического строя. Переход к новому строю нередко возможен только потому, что многие участники событий не осознавали последствий своих действий или (что еще чаще) ошибались в анализе ситуации. В ретроспективе можно указать моменты, когда имелась возможность изменить ход событий и уменьшить вероятность падения режима.

На последующих стадиях процесса — от потери власти прежним правительством к ее вакууму — особенно важен выбор времени принятия решений и соответствующих действий. Реакции лидеров и участников событий могут быть охарактеризованы (к сожалению, чаще всего лишь задним числом) как преждевременные, своевременные, запоздалые, предпринятые лишь "без пяти двенадцать" или когда время уже истекло. Создание нового равновесия требует своевременных действий, тогда как анализ других кризисов может побудить к преждевременным действиям, что может скорее ускорить, нежели остановить падение демократии (в этом контексте можно видеть октябрьскую революцию в Испании). Однако больше всего имеется примеров запоздалых акций, например действия

социалиста-реформиста Турати в Италии 20-х годов. Следовательно, интеллектуальная ценность анализа должна состоять в том, чтобы дать возможность лидерам демократии, сталкивающимся с серьезным кризисом, осознать альтернативы и возможный риск избранных ими действий.

Вызывает сомнение, предоставляет ли интерес анализ обстоятельств конечного исхода: для губителей демократии он явно неинтересен. Но он может помочь пониманию режима, возникшего в итоге, процесса его консолидации, степени его будущей стабильности, возможностей его преобразования, его влияния на будущее общества.

От обстоятельств перехода власти зависят возможности и трудности восстановления демократии; в какой-то мере они могут стать результатом конечных стадий процесса ее крушения, а также толкования, которое общество и действующие лица дадут этим драматическим событиям. Конец демократического строя, даже если он обозначен чисто символически, есть также начало построения нового режима — этот процесс, как будет показано далее, порождает проблемы и создает структуры, требующие описания.

Мы рассмотрим случаи, когда дело шло к концу демократии, и сторонники ее сохранения не смогли помешать ее поражению. Однако их действия определяли возможности действий оппонентов демократии и избранный ими план действий. Несомненно, крушение демократии может произойти по-разному, и это заслуживает детального изучения. Перечислим пути, которые могут привести к такому крушению.

1. Неконституционная замена демократически избранного правительства группой, готовой применить силу, действия которой получают легитимацию институционными механизмами, созданными при введении чрезвычайного положения. Устанавливается переходная власть с намерением восстановить демократический процесс, которая сталкивается затем с определенными отклонениями.

2. Захват власти коалицией представителей недемократических (в основном, додемократических) структур правления, принимающих в свои ряды политиков прежнего демократического режима и лидеров нелояльной оппозиции, но осуществляющих лишь незначительные перемены социальной структуры и институтов демократической системы.

3. Установление нового авторитарного режима, основанного на объединении общественных сил, из которого исключаются ведущие политические деятели прежнего демократического режима, без создания, однако, новых политических институтов и без какой-либо массовой мобилизации сил в поддержку нового режима.

4. Переход власти в руки хорошо организованной нелояльной оппозиции, имеющей массовую базу в обществе, жаждущей создать новое общественно-политическое устройство и не желающей делить власть с политиками прежнего режима, разве что с второстепенными партнерами по переходному периоду. В результате может возникнуть как твердый авторитарный режим, так и претоталитарный.

5. Переход власти, если демократический режим, даже ослабленный, не сдается легко и требуется продолжительная борьба (гражданская война). Такой конфликт может быть результатом одной из двух альтернатив (или, скорее, их сочетания): твердое противостояние демократического правительства требованию отказа от власти, когда правительство настаивает на послушании служб охраны порядка и на поддержке населения, однако не имеет сил справиться с оппонентами; высокий уровень общественно-политической мобилизации общества, солидарного или не солидарного с демократическим правительством, но готового противостоять захвату власти его оппонентами.

Первые два из пяти описанных случаев — классические модели вмешательства армии в качестве "умеряющей силы" — так было в XIX веке в Испании и в Латинской Америке. Это возможно при относительно низком уровне политической мобилизации общества, если сто-

ронники политических партий являются прежде всего сторонниками их лидеров и если армия не имеет собственных политических устремлений. Принимая во внимание коррумпированность выборов при олигархической демократии и готовность значительных групп политиков признать и даже поощрить такое вмешательство, можно считать, что для общества результат будет не слишком отличаться от того, что дадут жестко контролируемые выборы, когда одна группа политиков будет сменена другой, сходной по социальному составу и целям. Поскольку демократии, соответствующие нашему определению (и изучаемые в настоящем сборнике), относились или должны были относиться к другому типу, итог был ближе ко второму и третьему случаям, даже если некоторые участники военных переворотов принимали свою роль на таких условиях и некоторые политики поощряли их играть свою прежнюю роль "умеряющей силы".

Второй случай в ряде балканских стран мог бы послужить моделью перехода к королевской диктатуре. Интересные примеры здесь — Румыния при короле Кароле и Югославия в межвоенные годы. Остатки традиционной или полутрадиционной монархической легитимации для армии и некоторых групп населения в сочетании с не преуспевшими демократическими режимами и национальными конфликтами создают возможность утверждения авторитарного режима военно-бюрократического характера. Такие режимы привлекают профессиональных политиков, которые были избраны, имея основу власти на местах, или же ставших влиятельными благодаря доступу к администрации. В таких случаях полу- или псевдодемократические механизмы могут поддерживаться посредством исключения из политической жизни малых активистских групп, готовых бросить вызов общественно-политическому порядку, а также путем игнорирования требований народностей, протестующих против привилегированного положения основной национальности. Альтернатива — "полудемократия"-полуавторитарный режим, главное отличие кото-

рого — лишение оппозиции свободы, причем шансы оппозиции на получение власти демократическим путем ограничены, но в длительной перспективе она может стать опасной для режима.

Крушение демократии, получившей значительную легитимацию, если партии, ее поддерживающие, укоренились в обществе с различными интересами и разнообразными идеологическими течениями, а демократические лидеры обладают популярностью, скорее произойдет по последним трем моделям, когда обрыв постепенности ощущается сильнее и происходит действительное изменение строя. Из этих вариантов наименее вероятен четвертый, ибо в условиях демократии нелояльное массовое политическое движение, подобное фашистским в Италии и Германии, редко приходит к власти. Вряд ли могут повториться в современных обществах исключительные обстоятельства, позволившие этим движениям бросить вызов монополии государства в вооруженных силах, иметь успех на выборах и рассчитывать на полулояльность других политических сил и нейтралитет армии и пройти путь к полулегальному захвату власти, не вызвав народного сопротивления. Фашизм как массовое движение с его идеологией, стилем, организационной изобретательностью и широким социальным базисом был результатом неповторимой исторической ситуации, сложившейся после первой мировой войны⁹. Консервативные слои, испуганные революцией в России, местными псевдореволюциями и революционной риторикой, смотрели на фашистов как на потенциальных союзников. Либеральные демократические лидеры, особенно в Италии, не видели в новом движении серьезной угрозы своему положению. Вряд ли сегодня они будут возлагать надежду найти защиту от угрозы возможной левой революции на антидемократическое массовое движение, которое легко может вызвать гражданскую войну. Они приложат большие усилия, чтобы сохранить демократию и действовать в ее рамках, используя государственный репрессивный аппарат для защиты своих интересов от радикальных оппонентов, зная, что

оппоненты слева вряд ли выиграют выборы и не смогут взять власть силой. Если либеральные демократы придут к выводу, что демократия не гарантирует приемлемого общественного порядка, они скорее прибегнут к превентивному военному перевороту, так как будут иметь при этом значительную поддержку общественных слоев, тоже ощущающих эту угрозу. Итогом может быть авторитарный режим со многими чертами фашизма, но природа его будет бюрократически-технократической, без массовой мобилизации, предшествующей крушению демократии. Если лидеры не будут иметь успеха, может начаться гражданская война, исход которой решат военные средства, а может быть и международное вмешательство.

Несмотря на такие факторы как высокий уровень политизации общества, а также поляризации и мобилизации масс, которые предшествовали крушению ряда демократий, переход власти не всегда бывает кровавым, хотя последующий террор и преследования оппонентов будут широки так же, как это было в Германии. Крушение, приводящее к настоящей гражданской войне, является исключением; несомненно, идея легальной революции, предложенная Муссолини, была неожиданной, и ее плохо поняли; левые были неспособны инициировать нечто вроде реакции насилия, которая могла привести к гражданской войне. Поражению коммунистов без борьбы помогло их представление о фашизме в межвоенные годы: они видели в нем временное явление, которое изживет себя, будучи последним оплотом монополистического капитализма; фашизм продемонстрирует массам поражение капитализма, приведет их к разочарованию в социал-демократах. Это вытекало из отставившейся Москвой теории социал-фашизма¹⁰. Полулегальный перехват власти, ставший возможным вследствие полулояльной оппозиции при легитимации нейтральных сил; навязанные демократическим партиям решения; благожелательный нейтралитет партии; самообман многих лидеров по поводу последствий захвата власти — все это сделало невозможной

какую-либо реакцию до тех пор, пока сопротивление быстро консолидирующемуся нацистскому режиму не стало слишком запоздалым. Такое не может повториться.

В Австрии установление менее грозного авторитарного режима потребовало короткой гражданской войны для консолидации его власти, а в Испании несколькими месяцами позднее сходная ситуация, хотя и неправильно воспринятая, привела к октябрьской революции. В середине 30-х годов положение изменилось: демократы различных направлений легче склонялись к сотрудничеству для спасения демократических режимов от фашистской опасности; коммунисты после долгих колебаний изменили свою линию по отношению к социалистическим партиям. В относительно стабильных обществах революционная риторика, толкнувшая многих потенциальных демократов в объятия фашистов, была отброшена, и консерваторы, по-видимому, утратили энтузиазм по поводу фашистских массовых движений. Лишь в Испании кризис демократии, наступивший после ее поражения во многих странах, вызвал вооруженную реакцию и со стороны демократов, и со стороны пролетариата. Обе эти силы почувствовали, что их завоевания находятся под угрозой, и в то же время — что есть возможность осуществить революцию в условиях, когда армия и ее сторонники справа бросили вызов государственной власти. Поскольку правительство было уверено в своей демократической легитимации и пользовалось поддержкой широких кругов общества и даже армии, полиции и государственных служащих (что часто игнорируется), оно решило сопротивляться военному мятежу. В то же время рабочий класс, который был организован для осуществления революции или, по меньшей мере, для псевдореволюционного давления на правительство, также был готов противостоять угрозе и откликнулся на призывы правительства. Лояльность или, по крайней мере, неоднозначное отношение к правительству группировок внутри армии; мобилизация масс, осуществленная пролетарскими организациями; враждебность местных националистов к правым сторонникам власти

центра — все это обусловило сопротивление выступлению армии и ее сторонников во многих районах Испании. Однако кое-где армия получила поддержку гражданского населения, что сделало невозможным быстрое подавление мятежа лоялистами; гражданская война, продленная иностранной интервенцией, стала неизбежной. Две политические системы, воевавшие между собой почти три года, имели мало общего с системой, существовавшей в июле 1936 г., и еще меньше — с установленной в 1931 г.

Хотя модель прихода к власти Муссолини и Гитлера не повторится, современные демократии не могут игнорировать возможность совместного сопротивления демократического правительства левой ориентации и мобилизованного рабочего класса, подобно тому, как это произошло в Испании. К несчастью, те, кто надеется сочетать демократическое правление с быстрыми социально-экономическими изменениями (а такое сочетание воспринимается и его сторонниками и оппонентами как революция), вряд ли смогут добиться успеха без гражданской войны, если армия находится на стороне оппонентов. Даже если лоялисты победят, пройдет немало времени после гражданской войны, прежде чем правительство начнет функционировать демократически и даст побежденным те же политические права, что и победителям. При любом исходе гражданская война означает смерть демократии и установление какого-то рода диктатуры.

Вопреки верованиям и надеждам демократов, демократическому режиму никогда не следует доходить до того предела, когда его выживание зависит от готовности его сторонников воевать за него на улицах. Даже во время кризиса немногие готовы поддерживать желающих свергнуть демократию, однако в современном обществе эти люди могут чувствовать себя беспомощными в ситуации угрозы демократии. Лишь находящиеся на окраинах политического спектра готовы воевать и имеют организационные возможности для этого. Чтобы противостоять нелояльности таких мень-

шинств, демократическое правительство должно воспрепятствовать их доступу к орудиям насилия, оставляя их небооруженными, и изолировать от поддержки масс. Если такие меньшинства добьются поддержки на таких уровнях власти и смогут тем самым обеспечить себе лояльность или нейтралитет средств подавления, судьба режима окажется в серьезной опасности. Важнейшее условие стабильности демократического режима — сохранение легитимации среди тех, кто непосредственно контролирует инструменты подавления. Политика, которая отдалит их настолько, что они будут готовы восстать, окажется губительной. В каком-то смысле армия в современном обществе — конкурентное меньшинство (по Калкуну). Однако в современной демократии правительство, обладающее легитимацией за пределами корпуса своих избирателей, вряд ли столкнется с нелояльностью значительной группировки в армии. Его шансы на выживание будут зависеть от того, как на его требования легитимации будут реагировать офицеры, не желающие участвовать в перевороте. Гражданская лояльность новобранцев (а они в этом контексте не имеют партийной принадлежности) и мобилизация граждан, приверженных хотя бы некоторым политическим целям, могут и не привести к самой эффективной реакции, а в некоторых случаях влияние этих факторов может оказаться даже отрицательным. Единственным спасением режима, очутившегося перед такой угрозой, может стать компромисс с мятежниками, если они слишком сильны, или же поиск поддержки армейских частей, не замешанных в мятеж. Это означает, что демократический режим должен обратиться к организованным группам общества, а не надеяться нанести поражение мятежникам путем "вооружения народа". Такое решение, принятое даже ценой изменения политики и институциональных перемен, подавления некоторых гражданских свобод и кооптирования в правительство полулояльных лидеров дает больше надежды сохранить демократию, нежели сопротивление и гражданская война. Такого рода вывод и харизма де Голля,

имевшего поддержку, намного выходящую за пределы круга его непосредственных сторонников, позволили демократическому руководству Четвертой республики осуществить переход к Пятой — редкий случай нахождения нового равновесия.

Новое равновесие может наступить в случае, когда демократический режим оказался на грани краха. К сожалению, немногие кризисы демократии имеют такой исход. Но несмотря на это следует обратить больше внимания на положительные аспекты преодоления такого кризиса¹¹.